

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИРИНА ВЫСОЦКАЯ (Новосибирск)

*Вижу, старый да малый, пастухи костерок разжигают,
существительный хворост с одного возжигают глагола...*

Л. Лосев

В русле структурно-семантического направления¹ современной российской лингвистики мы рассматриваем систему частей речи как организацию взаимосвязанных и взаимодействующих дифференцированных единиц – с неизбежными для естественного образования синкретичными пересечениями.

Продемонстрируем этот подход на примере взаимодействия имени существительного и глагола, которые в системе частей речи современного русского языка наиболее отчетливо противопоставлены. Именно они, употребляясь в типичной синтаксической функции, образуют грамматический центр высказывания. По словам К.С. Аксакова, «слово как гармоническое сочетание Имени и Глагола есть речь». Антиномия «существительное – глагол» подкреплена связью с противоположными мыслительными операциями (употребление существительных связано с селекцией, а глаголов – с комбинацией) и соответственно – с двумя «полярными отделами мозга», отвечающими за выбор и сочетание. Об этом красноречиво свидетельствуют данные, приведенные Р.О. Якобсоном² в ходе изучения «динамических» и «семантических» нарушений при разных формах афазии.

Отмечая подобное «деление мира на два полюса» и в английском языке (существительные *house* "дом", *man* "человек" и глаголы *hit* "ударить", *run* "бежать"), Б. Уорф также обращает внимание на существование промежуточных ступеней. Он указывает на то, что «многие слова одного класса могут выступать еще и как слова другого класса (например: *a hit* "удар", *a run* "бег" или *to man the boat* "укомплектовывать лодку людьми, личным составом")»³.

¹ См.: **Бабайцева В.В.** Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005. М. – Ставрополь, 2005, с. 455–466.

² См.: **Якобсон Р.О.** Лингвистические типы афазии // Роман Якобсон. Избранные работы. М., 1985, с. 298.

³ **Уорф Б.Л.** Наука и языкознание: О двух ошибочных воззрениях на речь и

Однако это противопоставление оказывается существенным далеко не для всех языков. По мнению Л. Теньера, «большинство языков не обладают способностью различать понятия процесса и предмета. Они трактуют процесс как предмет, и следовательно глагол как существительное. В таких языках "любит" не отличается от "любовь"»⁴. В частности, близость глаголов и существительных, как отмечает исследователь, весьма наглядно проявляется в венгерском, турецком и египетском языках.

Между частями речи нет жестких границ, как нет их и в окружающем нас мире. Множество разнообразных переливов и переходов характеризует как систему языка в целом, так и уровень частей речи. В результате взаимодействия единиц языка возникают гибридные образования, сочетающие признаки разных частей речи.

И даже такие отчетливо противопоставленные структурно-семантические классы слов, как существительное и глагол, обнаруживают связующие их звенья. Эти связи проявляются прежде всего на уровне морфемного словообразования, поскольку регулярно образуются глаголы, мотивированные существительными и существительные, мотивированные глаголами. Образованные от субстантивных основ слова (*пилотировать, столярничать, пророчествовать, ночевать, потрошить, калечить, группировать, бороться, анализировать* и т.д.) органично «вписываются» в состав глаголов. Образованные от глагольных основ имена существительные поразному проявляют связь с производящей базой. Характерной особенностью семантической структуры этих слов является постоянно колеблющееся состояние взаимодействующих компонентов существительного и глагола (предметности и процессуальности), которые могут более или менее отчетливо отражать усиление / ослабление признаков в различных синтаксических условиях и тем самым демонстрировать безграничное множество граней своей двойственной природы. Ср.:

Засунула свинья рыло в кисель по самые уши и на весь скотный двор чавкотню подняла. Чавкает да похрюкивает: «Покатаюся, поваляюся, господского киселя наевшись!» (М. Салтыков-Щедрин. Кисель); *...и, таким образом, завелись очереди, так что в каждом доме уже ждали заранее и все знали, что в такой-то день Марфа Петровна будет там-то читать это письмо, и на каждое чтение опять-таки собирались даже и те, которые письмо уже несколько раз прослушали и у себя в домах и у других знакомых, по очереди* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *Казанцев молчал, и это молчание было как резолюция: отменить* (В. Токарева. На черта нам чужие).

В лингвистической литературе неоднократно подчеркивался гибри-

мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Языки как образ мира. М., СПб., 2003, с. 211.

⁴ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988, с. 73.

ный характер инфинитива и отглагольного существительного, совмещающих черты существительного и глагола:

– *Что вы мне посоветуете?* – спросила Анна Сергеевна, продолжая смеяться. – *Да я полагаю,* – ответил Базаров тоже со смехом, хотя ему вовсе не было весело и несколько не хотелось смеяться, так же как и ей, – *я полагаю, следует благословить молодых людей* (И. Тургенев. Отцы и дети); *Мне, ставшею открытой раной слуха, / угодно слышать все, что я хочу* (Б. Ахмадулина. В антикварном магазине).

Трактовка инфинитива как особой части речи (А.М. Пешковский и др.) сменяется взглядом на глагол как полевую организацию и разграничением ядерных (личные формы) и периферийных явлений. Термин «вербоиды» (введенный Ю.С. Масловым), подчеркивает яркие глагольные свойства, которые наряду с другими совмещены в инфинитиве, причастии и деепричастии. Любопытна категоричность, с которой Л. Теньер подчеркивает: инфинитив глаголом не является. По мнению ученого, «инфинитив занимает промежуточное положение между категорией глагола и категорией существительного», это «смешанная категория, средний член», а «обычай, принятый в современных западных языках, называющих глагол с помощью инфинитива, следует признать крайне неудачным, потому что он парадоксален и вреден»⁵. Отметим также, что отглагольное существительное Л. Теньер считает членом глагольной парадигмы⁶.

В. В. Бабайцева располагает отглагольное существительное и инфинитив на шкале переходности (которую можно назвать и шкалой взаимодействия) в зоне синкретизма – между ядерными конкретно-предметными именами существительными с одной стороны (А) и спрягаемыми формами глагола – с другой (Б). Периферию существительного занимают отглагольные существительные (Аб), периферию глагола – инфинитив (аБ). В этих периферийных синкретичных явлениях сочетаются свойства оппозиционно противопоставленных ядерных единиц, взаимодействуют компоненты предметности и процессуальности. С одной стороны, «языковая семантика отглагольных существительных («опредмеченное действие», «действие в виде предмета») синкретична», с другой – «сплав семантико-структурных свойств имени и глагола обуславливает специфику инфинитива», способного обозначать действие в виде процесса, быть по существу названием действия⁷.

Инфинитив – удобная форма для обдумывания и планирования действий:

Необходим для сердца перелом: Догнать... Вернуть... Сказать кому-

⁵ Для сравнения он приводит другие способы названия глагола: по форме первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения (греческий, латынь, болгарский язык), перфектом третьего лица единственного числа мужского рода (семитские языки) и т.д. См.: Теньер Л., указ. соч, с. 433-434.

⁶ Там же, с. 435.

⁷ Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000, с. 239-241.

то слово... (И. Северянин. Элегия); *Сказать, не сказать...* Артамонова размышляла весь апрель и май (В. Токарева. Сказать – не сказать...);

*Сказать п р о с т и, в плечо уткнуться,
Обжечься шёпотом твоим,
Прости меня... домой вернутья,
Остаться с зеркалом одним.
И вспоминать сухие губы,
И думать бешено почти:
«Зачем нужна такая глупость?
Что делать ей с моим п р о с т и?»*
(И. Каргушин. Прости меня).

Отглагольные существительные разнообразны по значению, морфемной структуре, особенностям функционирования и валентным свойствам:

Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слышивал и не видывал (Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

Среди существительных, мотивированных глаголами, противопоставлены друг другу слова с общим словообразовательным значением «носитель процессуального признака» и слова со значением отвлеченного действия или состояния⁸. Состав существительных со значением отвлеченного действия также неоднороден. Х.Н. Абдуллаев⁹ выделил 5 групп таких слов (по мере ослабления глагольных и увеличения субстантивных свойств): 1) имена существительные с суффиксом *-ива-*: *взыскивание, выкрашивание, наливание, обслуживание*; 2) существительные типа *бурение, надрезание, ввоз, переустройство, индустриализация, чистка*; 3) существительные типа *введение, украшение, остановка, упаковка, подъём, спуск, руководство, публикация*; 4) существительные типа *волнение, ошибка, восторг, превосходство*; 5) существительные типа *донесение, зрение, заметка, связка, груз, надпись, склад*.

Этот ряд, отражающий колебание удельного веса процессуального и предметного компонентов в семантической структуре отглагольных существительных, построен прежде всего на основании анализа сочетаемости, трансформации (замены глаголом), категории числа. Однако этот ряд иллюстрирует и переход от значения отвлеченного действия к значению результата процессуального действия. Ярким свидетельством актуализации предметной семы в значении слова является возможность его употребления в форме множественного числа, например:

⁸ «Краткая русская грамматика». М., 1989, с. 48.

⁹ Абдуллаев Х.Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке. АКД. Ташкент, 1987.

...в губернию назначен был новый генерал-губернатор – событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут **переборки, распеканья, взбукетениванья** и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных (Н. Гоголь. Мертвые души).

Очевидно, что слова третьей группы способны к семантической трансформации (ср.: **Введение** во храм Пресвятой Богородицы – работа состоит из **введения, трех глав и заключения**) и на основе метонимического переноса развивают вторичные значения. Структурные особенности отмечены только для слов первой группы. Действительно, суффикс **-ива-** подчеркивает процессуальность.

Возникает закономерный вопрос о соотношении компонентов лексической и грамматической семантики подобных образований. Он связан с проблемой семантического отождествления производящей базы и деривата. По мнению ряда исследователей, трудно провести четкое разграничение среди словообразовательных типов лексической и синтаксической деривации. Бесспорно, что индивидуальное и категориальное значения периферийных существительных (являющихся производными словами) сложнее по сравнению со значениями мотивирующих слов. Неизбежно встает вопрос о характере значения морфем, решающийся лингвистами по-разному. В самом деле, в каких морфемах воплощено категориальное значение? Правомерно ли считать тождественными по лексическому значению производную и производящую основу словообразовательной пары: *петь – пение* (традиционно приводимую в качестве иллюстрации явления синтаксической деривации)? Компонент лексического или грамматического значения выражен суффиксом *-ниј-*? Очевидно, что именно наличие этого суффикса «проявляет» значение процесса в семантической структуре слова (ср., например, с отглагольным существительным *песня* с еще более «приглушенным» процессуальным компонентом значения). Вероятно, глагольные свойства сосредоточены не только в корневой морфеме (хотя, по мнению Ф.Ф. Фортунатова, даже слово *ноша* можно рассматривать в рамках глагольного слова).

Отметим, что Л. О. Чернейко совершенно справедливо критикует употребление по отношению к разрядам существительных в качестве дублетов терминов «абстрактные» и «отвлеченные», отражающее сложившуюся практику «объединения под одним термином «абстрактное имя» таких слов, как *белизна, пение*, с одной стороны, и *власть, жизнь, пространство, время, интеллект* – с другой»¹⁰. По ее мнению, объединение и терминов и стоящих за ними явлений неправомерно, поскольку сами явления оказываются результатом «разных видов ментальной дея-

¹⁰ Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997, с. 59.

тельности»¹¹. Слова первой группы предложено считать отвлеченными, второй – абстрактными именами существительными. Обратим внимание на то, что в состав абстрактных включены *жизнь, плач, боль, грусть* и т.п. производные слова. Однако механизм их образования (возведение признакового слова в субстантивную форму) такой же, как и у отвлеченных имен *пение, белизна*. Разница – во времени образования и наборе формантов.

В этой связи интересно отметить, что в статье Г.О. Винокур «Глагол или имя?»¹² называл слова *игра* и *борьба* «глагольными существительными со значением глагольности»¹³ в отличие от глагольных имен *играние* и *борение*. Несмотря на общее «глагольное прошлое», названные существительные обладают разным сочетанием субстантивных и глагольных свойств, хотя их внешние различия – только в формантах (в ряде случаев эти различия очень незначительны, ср., например: *учеба* и *учение*). Вероятно, необходимо учитывать и процессы опрощения (морфемная членимость слов типа *судьба, свадьба* и под. не столь очевидна, как в словах с другими суффиксами). Суффикс, содержащий *j*, обуславливает появление окончания среднего рода, что поддерживает отвлеченность слова в целом (известно, что форма среднего рода более абстрактна по сравнению с формами мужского и женского рода, имеющими соответствия в живой природе):

Сколько бы им ни хотелось мигать,

Могут они заявленье подать –

И на писанье, мерцанье и тленье

Возобновляют всегда разрешенье

(О. Мандельштам);

Любое движенье, по сути, есть

Перенесение тяжести тела в другое место

(И. Бродский).

Наиболее продуктивные суффиксы со значением «действие или состояние, названное мотивирующим глаголом»: *-ниј-, -к-, -ациј-, -ств-*¹⁴. Два из них сочетаются с окончанием среднего рода, однако суффикс *-ств-*, на наш взгляд, в меньшей степени выражает процессуальность (может быть, и потому, что он многозначен и способен выражать значение непроцессуального признака). Отглагольные существительные с суффиксом *-ниј-* (со значением отвлеченного действия или состояния) наи-

¹¹ Там же, с. 60.

¹² Цит. по: Чернейко Л.О., указ. соч., с. 66.

¹³ Очевидно, что поиск новых (составных!) терминов обусловлен невозможностью разместить синкретичные слова в отдельных частеречных ячейках.

¹⁴ См.: «Краткая русская грамматика», с. 53.

более близки к феномену, обозначенному Л. Теньером как «имя действия»:

Ломание Базарова в первые минуты посещения неприятно подействовало на нее, как дурной запах или резкий звук; но она тотчас же поняла, что он чувствовал *смущение*, и это ей даже польстило (И. Тургенев. Отцы и дети); *Старение!* Здравствуй, мое *старение!* Крови медленное *струение* (И. Бродский)

Еще раз подчеркнем роль аффиксов в формировании семантики слова. Так, продуктивный в разговорной речи суффикс *-н-* создает, на наш взгляд, значение хаотичности, неупорядоченности:

...Но шепот, хохотня глупцов... Шум, хохот, бегодня, поклоны, / Галоп, мазурка, вальс... (А. Пушкин. Евгений Онегин); Что же потом? – Храп горожан / И толкотня в гардероб (О. Мандельштам).

Ср. также: *Духота. Толчея тараканов...* (И. Бродский).

Нулевой суффикс выражает значение действия в отвлечении от его конкретного носителя:

Хруст ракушечника, *шорох* раздавленного гнилого / Тростника (И. Бродский); *И звон стекла! И лепет* туфель бальных! (Б. Ахмадулина. В антикварном магазине).

Таким образом, синкретичные периферийные образования, совмещающие глагольные и субстантивные свойства, в русском языке имеют яркие аффиксальные различия. Ср.:

Еще не перестали топать,

Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать...

<...>

В передней толкотня, тревога;

В гостиной встреча новых лиц,

Лай мосек, чмоканье девиц,

Шум, хохот, давка у порога,

Поклоны, шарканье гостей,

Кормилиц крик и плач детей

(А. Пушкин. Евгений Онегин).

Довольно часто однокоренные инфинитив и отглагольное существительное «соседствуют». Такое употребление позволяет избежать повтора и по-разному представить одно и то же явление, уловить нюансы мироощущения. Казалось бы, тавтология неизбежна, однако сочетания родственных слов не создают аномального эффекта *масла масляного*, и эта пара-

доксальность вполне может осознаваться автором. В этом, как нам представляется, убеждают следующие фрагменты:

Воспоминаний много, а **вспомнить** нечего, и **впереди** передо мной – длинная, длинная дорога, а цели нет... (И. Тургенев. Отцы и дети); – **Такая скука**, – жаловался Сергей. – **Чего тебе скучать!** (Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); – **А что я мог сделать?** – спросил композитор. – **Не приглашать. Или настоять на приглашении**, если вы мужчина, конечно (В. Токарева. На черта нам чужие).

Вероятно, в некоторых случаях можно говорить о явлении морфологической синонимии однокоренных частей речи. Однако синонимия здесь частичная, поскольку любое изменение основы слова ведет к семантическим сдвигам. По словам И.А. Ширшова, «само значение отвлеченности и есть то семантическое усложнение, которое появляется в словообразовательном акте», таким образом, «язык выполняет не пустую работу, порождая слова с тем же лексическим содержанием, что и у исходной единицы»¹⁵.

Сопоставление однокоренных слов разных частей речи подтверждает общеизвестный факт: лексическое значение большей частью обуславливается семантикой корневой морфемы, грамматическое – аффиксальных морфем. Роль суффиксов неоднозначна, вероятно, неправомерно существующее разделение их на словообразовательные и словоизменяющие, поскольку они выражают сложную гамму лексических и грамматических оттенков. Если в корне сконцентрировано лексическое значение, а во флексии – грамматическое, то аффиксы, вероятно, составляют промежуточную ступень. Роль аффиксов в восприятии слова исключительно важна, поскольку именно они передают различные проявления одной сущности. В разной морфемной оформленности – явный «водораздел» (несмотря на отсутствие «китайской стены») между именем и глаголом в русском языке.

В немецком языке однокоренные инфинитив и существительное могут различаться с помощью аффикса и артикля или артикля, ср.: *lieben – das Liebe*; но *leben – das Leben*. Т.н. «субстантивированный инфинитив» по семантике и форме сохраняет свойства глагола (морфема *en* – типичный признак инфинитива немецкого глагола, но существительное, в отличие от глагола, пишется с большой буквы), по морфологическим свойствам – это существительное. Ср. словообразовательные цепочки из исходного существительного, инфинитива слабого глагола и субстантивированного инфинитива: *der Salz* (соль) – *salzen* (солить) – *das Salzen* (засолка, посол); *der Pfeffer* (перец) – *pfeffern* (перчить) – *das Pfeffern* (перчение)¹⁶. В русском языке для обозначения процесса и результата действия, названного глаголом *солить*,

¹⁵ Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования. М., 1999, с. 138.

¹⁶ Буркова П.П. Явления переходности в тексте немецкого кулинарного рецепта // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. М. – Ставрополь, 2001, с. 289.

используются отглагольные существительные: *засолка, соление*¹⁷.

В немецком языке отмечаем большую формальную близость существительного и глагола и субстантивированный инфинитив как нечто среднее между ними. Считается, что в русском языке промежуточное звено (АБ), совмещающее в равной пропорции субстантивные и глагольные свойства, отсутствует. Однако можно отметить формальное совпадение глагольных форм т.н. «мгновенно-произвольного действия» (иначе: глагольных междометий) и отглагольных существительных с нулевым аффиксом, в которых «обнажается» глагольный корень:

Пляшет. Плачет.

Плачет. Пляшет.

Вплавь. Вскачь.

Все – враз!

Пляс. Плач.

Плач. Пляс

(М. Цветаева. Молодец).

Формы «мгновенно-произвольного» действия являются реликтовыми с точки зрения современного русского языка, но они сохраняются в детской речи (*Топ, топ, топает малыши*) и могут актуализироваться в языке художественной литературы:

Лай, хохот, пенье, свист и хлопок,

Людская молвь и конский топ!

(А. Пушкин. Евгений Онегин).

В примечаниях к «Евгению Онегину» А.С. Пушкин писал о том, что в журналах осуждали слова *хлоп, молвь* и *топ* как неудачное нововведение. «Слова сии коренные русские», – считал поэт, приводил в доказательство цитаты из «Сказке о Бове королевиче», призывал не мешать «свободе нашего богатого и прекрасного языка». Диффузное *топ* как бы «вбирает в себя» дифференцировавшиеся *топать* и *топот*.

Ср. также: 1) *Вез Сенька Саньку с Сонькой на санках. Санки скок, Сеньку с ног, Соньку в лоб, все в сугроб;*

2) *На задворках, в пустом чулане,*

Бродит оторопь, скреб и скок,

¹⁷ Интересно существование в немецком языке глагола *braten* (жарить, запекать), существительных *das Braten* (жарение) и *der Braten* (жаркое). Таким образом, значение процессуальности связывается с категорией среднего рода, значение предметности – с категорией мужского рода. Ср. в русском языке: *варение, варка*.

И не слышно песенки няни

На крыльчке, где солнцепек (Н. Клюев).

Кроме того, можно отметить случаи омонимии (омофонии и омоформии) отглагольных существительных и глагольных форм повелительного наклонения, образованных от перфектной основы с помощью нулевых аффиксов:

О плач всего, что хочет быть воснето! <...> – *Не плачь*, мое дитя (Б. Ахмадулина. В антикварном магазине).

Ср. также: *Неподвижность огромных растений, далекий лай* (И. Бродский) – *Лай* громче!

Только контекст дает представление о значении нулевых аффиксов и позволяет интерпретировать слово как существительное или глагол. Омонимия глагольных и субстантивных форм – проявление глубинных внутренних связей этих частей речи.

Отметим, что связи существительного и глагола проявляются не только на уровне морфемного словообразования (в «застывших трансляциях», по определению Л. Теньера), но и на уровне транспозиции – при окказиональной субстантивации глагольных форм.

Предлагаем выделять как типы окказиональной субстантивации¹⁸ метатекстовую, индивидуально-авторскую и субстантивацию номинации. Мы исходим из того, что окказиональная субстантивация – это всегда «отзвук» чужого слова: при метасубстантивации чужая речь воспроизводится и (часто!) сопровождается авторским комментарием, при индивидуально-авторской субстантивации чужое слово переосмысливается как некая новая сущность, субстантивация же номинации являет миру слово номинатора. Во всех названных ситуациях возможна субстантивация любых фактов языка, вплоть до личных глагольных форм, хотя категориальное значение действия, казалось бы, не совмещается со значением предметности.

Грамматическая интерпретация действительности необходима для того, чтобы общаться как по поводу этой действительности, так и по поводу самого общения. Воспроизведение чужого слова и рефлексия по поводу сказанного рождает явление метатекстовой субстантивации (или «эхо»-субстантивации). Это весьма распространенное явление художественной и разговорной речи, одна из форм передачи чужой речи.

В этих условиях субстантивируются глагольные формы:

– *Машенька, голубчик, золотко!* – заговорил Лев Иванович. – *Не переживай, я всё возьму.*

– *Да брось ты, – буркнул Аркадий Сергеевич.* – *При чём тут «возме-*

¹⁸ **Высоцкая И.В.** Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск, 2009.

шу»... (Н. Самохин. Королевский терьер).

В том числе – и в устойчивых выражениях (примеры из словаря В.И. Зими́на¹⁹):

Последнее «прости»; Что такое не везет и как с ним бороться; – Не хочу. / – А через «не хочу»?

Наиболее ярко субстантивное употребление глагольных форм (как и слов других частей речи) проявляется в сочетании с препозитивным определением:

*Ты говорила мне «люблю»,
Но это по ночам, сквозь зубы.
А утром горькое «терплю»
Едва удерживали губы*
(К. Симонов).

Часто метасубстантивация не просто повтор, но осмысление или оценка чужого или (при известной степени отстранения) собственного слова:

И вдруг, как озноб, продрала догадка: своими сказать – не сказать, спросить – не спросить, она испортила ему жизнь (В. Токарева. Сказать – не сказать...); ...сгину прежде, чем грянет с насеста / петушиное «пли» (И. Бродский); Что делать ей с моим прости! (И. Каргушин).

Уникальны случаи индивидуально-авторской субстантивации глагольных форм в художественном тексте (примеры Л.В. Зубовой²⁰): *...один сказал другой сказал струит... (И. Бродский); Есть племя покинул и племя вернул... (А. Найман); За окном моим летали / две веселые свистели. / Удалые щebetали / куст сирени тормошили... (А. Левин).*

Субстантивация глагольных форм происходит и в ситуации номинации (называния, наименования) предметов и явлений. Приведем в качестве примера инфинитивные заглавия художественных произведений: «**Помолодеть!**» (М. Жванецкий); «**Сказать – не сказать...**» (В. Токарева); «**Добежать до себя**» (И. Каргушин); телевизионных передач: «**Понять. Простить**» (ТВ Центр).

В разных городах России появляются глагольные названия объектов городской среды: магазин «**Подарю**» (вместо традиционного субстантивного названия «**Подарки**»), столовая «**Сели-поели**», кейтеринг «**Пообедаем**» и проч. Отметим императивные названия: «**Поиграй-ка!**» (отдел игрушек), «**Встрой-ка!**» (кухни, техника, интерьер), «**Погости**» (мотель); «**Неболейка!**», «**Похудей-ка**», «**Успокой**» (биодобавки).

¹⁹ См.: **Зимин В.И.** Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. Изд. 2-е. – Ростов н/Д. – М., 2005.

²⁰ См.: **Зубова Л.В.** Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000, с. 251–253.

Явления метатекстовой, индивидуально-авторской и субстантивации номинации «сплетены» в народной речи. Языковая игра возникает в реплике-реакции, которая может квалифицироваться как присловье-отговорка и рассматривается в составе диалогических единств (далее примеры из словаря В.И. Зимины²¹):

– *Давай-давай!* / – *Давай* на Арбате котлетой подавился; [в ответ на просьбу подарить что-то] *Подаришь* уехал в Париж, остался один *купишь*.

В текстах для детей слово осознается и как полноправное «действующее лицо», и как имя персонажа: «*Наш друг Пиши-Читай*» (мультфильм);

Три волшебника злых

Не Могу,

Не Хочу

И Не Буду

Нашу девочку Киру

Преследуют всюду

(А. Крестинский, Н. Полякова).

Многочисленные случаи окказиональной субстантивации можно объяснить следующим образом: любое явление языковой действительности для того, чтобы стать осмысленным, должно хоть на секунду «замереть» и зафиксироваться в сознании говорящего как предмет речи/мысли. И глагол, обозначающий действие, как ни парадоксально, не является исключением.

Таким образом, связи между именем существительным и глаголом в современном русском языке проявляются прежде всего на уровне морфемного словообразования. Между дифференцированными существительными (А) и глаголом (Б) на шкале переходности могут быть выделены синкретичные звенья – периферийные: отглагольные существительные (Аб) и инфинитив (аБ) и промежуточное: формы мгновенно-произвольного действия (АБ). Границы между частями речи могут стираться и в процессе окказиональной субстантивации.

Если исходить из положения о том, что каждая часть речи имеет полевую организацию (с ядром и периферией), то логично представить и систему частей речи как поле, состоящее из взаимодействующих (и поэтому перекрещивающихся) полей²². Это представление демонстрирует незамкнутость морфологической системы языка и позволяет рассматривать

²¹ См.: **Зимин В.И.**, указ. соч.

²² См.: **Высоцкая И.В.** Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006, с. 85.

ее в свете логики нечетких множеств как сложную самоорганизующуюся систему.

Ключевые слова: *структурно-семантическое направление, взаимодействие частей речи, переходность, синкретизм, субстантивация*

ԻՐԻՆԱ ՎԻՍՈՑԿԱՅԱ – Գոյականի և բայի համագործակցությունը ժամանակակից ռուսաց լեզվում – Հեղինակը դիտարկում է ձևային գոյացության և տեղափոխության լեզվական միավորների մակարդակում տեղի ունեցող փոխազդեցության հետևանքով առաջացող համադրական երևույթների տարբեր տեսակներ: Տարբաբաժանված գոյականի և բայի միջև անցումայնության սանդղակում կարող են առանձնացվել համադրական սահմանային երևույթներ (բայական գոյականներ և անորոշ դերբայ) և միջանկյալ օղակ (ակնթարթային-կամայական գործողության ձևեր): Ցույց է տրված բայական ձևերի պատահական գոյականացման հնարավորությունը, առանձնացված են մետատեքստային, անհատական-հեղինակային, գոյականական անվանակարգերը: Աշխատանքը կատարվել է արդի ռուս լեզվաբանության կառուցվածքային-իմաստաբանական ուղղության հունով: Հետազոտության նյութ են դարձել գերազանցապես դասական և ժամանակակից ռուս գրականության գեղարվեստական ստեղծագործությունները:

Բանալի բառեր - *կառուցվածքային-իմաստաբանական ուղղություն, խոսքի մասերի փոխազդեցություն, անցումայնություն, համադրականություն, գոյականացում*

IRINA VISOCKAYA – The Interaction of the Noun and the Verb in Modern Russian Language. – The author discusses different types of syncretic phenomena arising from the interaction of language units on the morphemic level of creation and transposition. Between the differentiated noun and the verb on the transitivity scale can be selected syncretic: peripheral phenomena (verbal nouns and the infinitive) and intermediate (forms of instantly-arbitrary action). The possibility of occasional substantival verb forms is defined, metatextual, individual-author and substantivation of the nomination are selected. The work is performed within the framework of structural-semantic field of modern Russian linguistics. The research material mainly was based on the artworks of classical and modern Russian literature.

Key words: *structural-semantic field, interaction between parts of speech, transition, syncretism, substantivization*